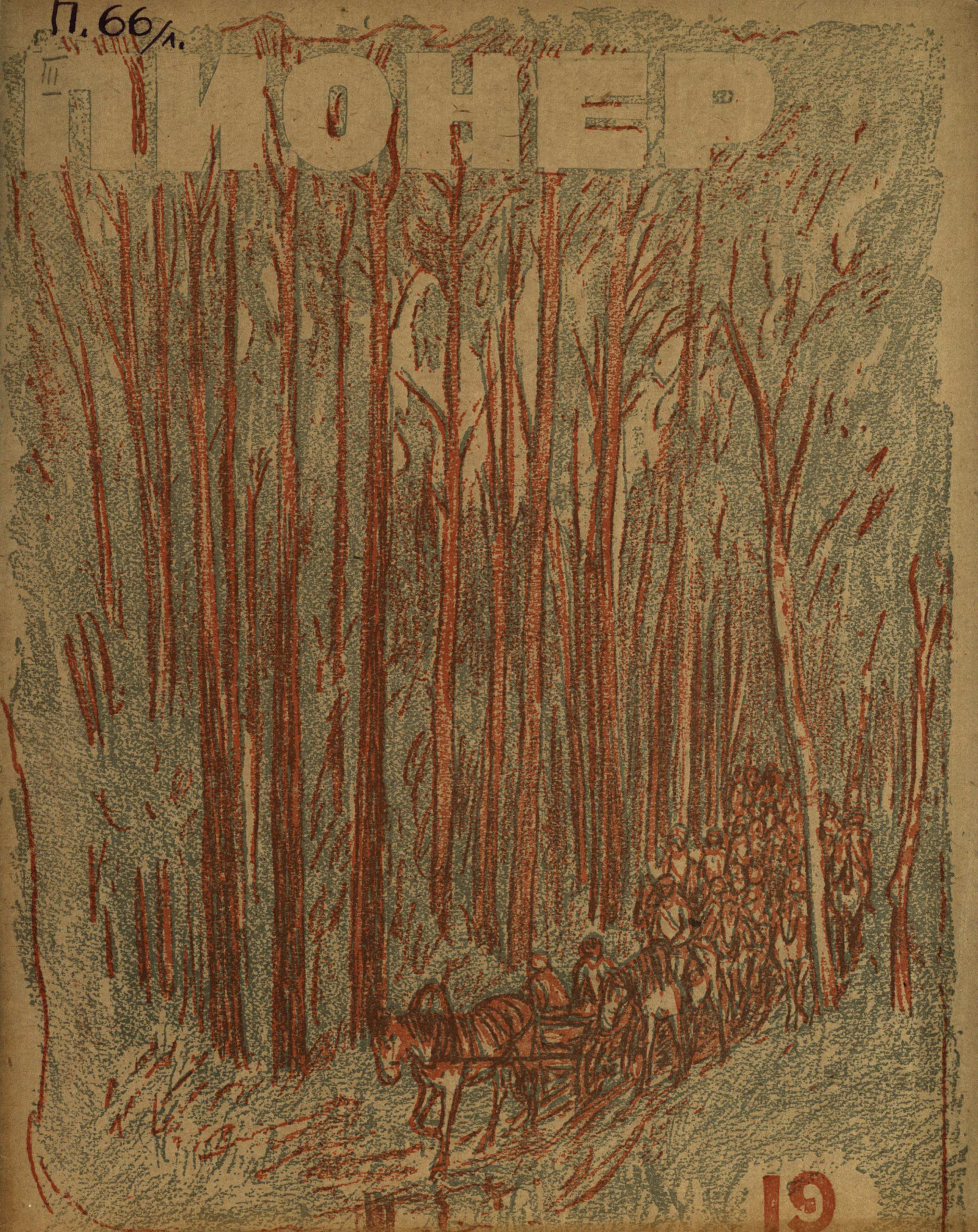
П. 66/1.

ПИОНЕР



19

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда" 1933

РЗФ К борьбе за рабочее дело—будь готов!

ПИОНЕР

№ 19

Орган ЦБ детской коммунистической организации им. Ленина при ЦК ВЛКСМ
Адр. ред.: ул. Горького, 8, тел. 5-60-76

Октябрь 1933

КОМСОМОЛ

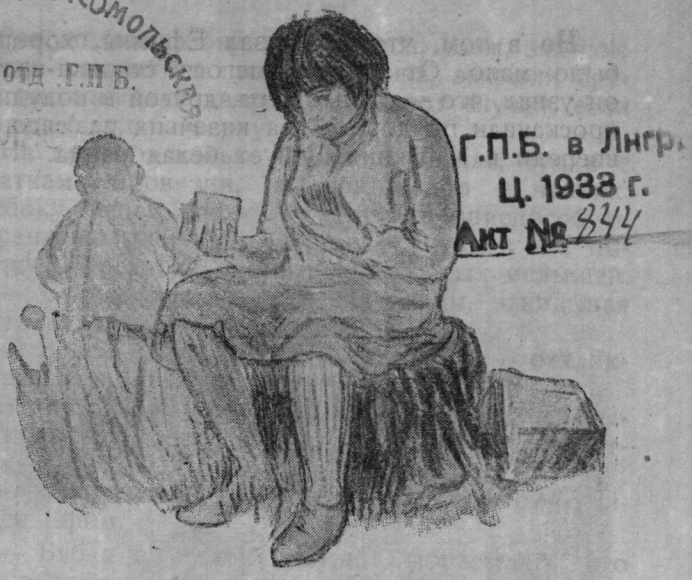
Все, что наше,—
Твое,
Комсомол!
Ты подрос,
Ты окреп,
Ты расцвел.
Ты врываешься
в жизнь
страны
Военкомом
фабричной
войны.
Под водительством
партии нашей
Ты ведешь за собой полки
Молодежи,
узнавшей,
понявшей,
Что такое
большевики.
Рядовым
большевистского стана
Весь ты
в стройке своей заводской,
[illegible]
и хозяйском плане
И хозяином
цифры любой.
Там, где бой,
где атаки,
разведки,
Там и ты
как толкач,
бригадир.
Ты—
бурливая кровь пятилетки,
Переделывающей
Мир.
Ты бросаешься
буйной лавиной
На учебные наши
посты,
Чтобы с любой
иностранной машиной
Разговаривать
На «ты».
По руслу
большевистского знанья,
По пути
большевистских громад
Направляешь ты
соревнованье
И потоки
ударных бригад.
Ты в заводе,
Ты в шахте,
ты в поле.
Ты везде,
где посты для бойца,
Где напор
нашей классовой воли
Обновляет
и жизнь
и сердца.
Ты везде и всегда
нападенье,
Если даже твой путь
каменист.
Это ты,
это ты — поколенье,
Что увидит
живой
Коммунизм.

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ

П29
34 2

ОБЛАСТНАЯ КОМСОМОЛЬСКАЯ
3-е отд. Г.П.Б.
БИБЛ.

ПУСТЬ СВЕТИТ



Г.П.Б. в Лнгр.
Ц. 1938 г.
Акт № 844

Раньше было рассказано о том, как кучка беженцев, пробираясь от белоказаков к своим, попала в густой лес. Комсомолец Ефимка отправился на разведку.

Рассказ Арк. Гайдара

(Окончание)

— Кабы грозы не было,—сказала Евдокия, поглядывая на небо,—ишь как тучи воротит.

Верка одернула наспех зашитое платье и, вспомнив ефимкино приказание, крикнула Николашке, чтобы он бежал к ней со штыком рубить ветки и чинить худой шалаш.

На кусты налетели целой ватагой Николашка, Абрамка, Степка. Вскоре навалили целую гору. Закидали дыры, натащили внутрь большие охапки пахучей травы, занавесили ход. И еще не дожидаясь наступления грозы, ребятишки один за другим дружно полезли в шалаш.

Небо почернело. Кони настороженно зашевелили ушами. На притихшую зеленую полянку опускались тревожные сумерки.

Лежа у костра и изредка поправляя горячие картофелины, Верка вдруг подумала: «А что же будет, если казаки ударят так сильно, что не справится с ними и погибнет вся Красная армия. Какая тогда будет жизнь?».

Костер совсем погас, угли подернулись пеплом, и только одна головешка, черная и корявая, тихонько потрескивая, чадила едким и синеватым дымком.

И тут же, кто его знает почему, Верка вспомнила, как давно однажды пришел ее отец веселый, потому что был праздник—или родился или женился какой-то царь. И отец сказал, что на радостях дяде Алексею назначили досиживать в тюрьме не полтора года, как оставалось, а всего только восемь месяцев.

Все обрадовались, а Верка всех больше. Потому что раньше, когда дядя Алексей еще не сидел в тюрьме, он часто приходил в гости и дарил Верке или копейку или пряник. А однажды на именины он подарил ей голубую блестящую ленту, такую невиданно красивую, что перепуганная от радости Верка, схватив подарок, как кошка умчалась на чердак и не слезала до тех пор, пока мать не прогнала ее оттуда веником.

«Нет, не может быть, чтобы разбили...» — подумала она. И опять вспомнила как однажды, уже после смерти отца, мать взяла ее с собой в один дом на кухню.

Когда мать стирала белье, дверь тихонько отворилась и, лениво позевывая, на кухню вошла огромная и гордая собака. Она подошла к углу, где стояла широкая тяжелая миска, сняла зубами крышку и достала большой кусок сочного вареного мяса. Широко вылупив глаза и боясь пошевельнуться, Верка смотрела на то, как спокойно, почти равнодушно с'ела собака этото кусок, потом сама накрыла миску крышкой и, не глядя ни на кого, так же лениво и гордо ушла в глубину тяжелых прохладных комнат.

— Нет, не погибнет!—опять успокоила себя Верка.—Разве же можно, чтобы погибла?

Дым от головешки попал ей в лицо. Верка сощурилась, протирая глаза кулаком, и перед нею всплыло беззлобное лицо тихой побирушки Маремьяны, муж которой, стекловар, умер от ожога на заводе. Эта побирушка ходила под окнами и робко просила милостыню, но когда добиралась она до крыльца Григория Бабыкина, который был хозяином стекольного завода, то, крестясь и страшно ругаясь, грозно стучала палкой в тяжелые ворота.

И тогда Григорий Бабыкин высылал дворника Ермилу. А дворник Ермила, тихонько подталкивая побирушку, бормотал хмуро и виновато:

— Уходи, Маремьяна. Мне что... Я человек нанятой. Уходи от греха. Видно уж бог вас рассудит.

— Разве же можно, чтобы погибла?—убежденно повторила Верка и сердито хлопнула по голому плечу, в которое больно кололи черные невидимые комары.

— Что одна? Посидим вместе, — раздался за ее спиной знакомый голос.

— Ефимка... Дурак, — вскрикнула испуганная Верка. И не зная, что сказать от радости, она схватила его за плечи, потом выхватила из-под пепла костра две горячих картофелины и, перекатывая их на ладонях, протянула ему.

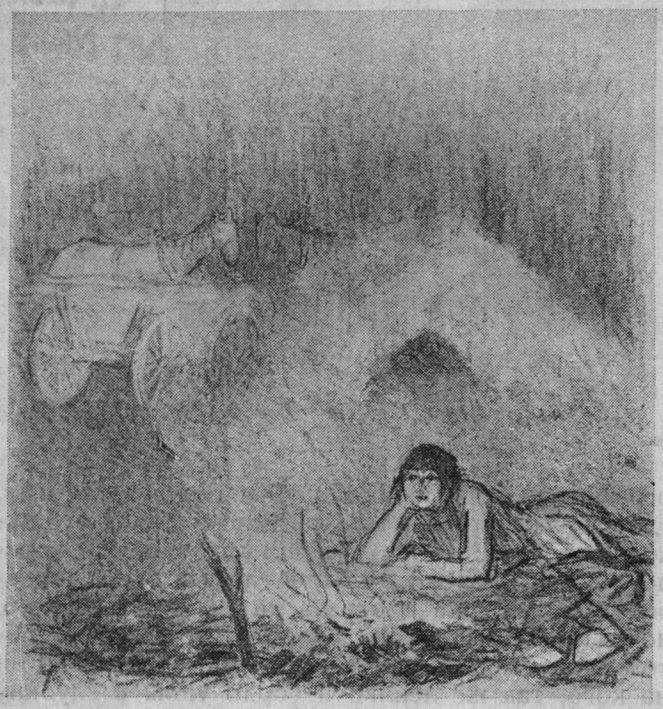
— Садись. Ешь. Это я для тебя испекла. Я-то жду, жду, а тебя нет и нет.

— И то дело,—устало опускаясь на траву, согласился Ефимка. — Есть хочу, как собака.

Заслышав голоса, вылезла мать, за нею Евдокия, и даже бабка Самойлиха, которая никак не могла уложить Розку, высунула из шалаша седую голову.

Гос. Публичная Библиотека в Ленинграде

Но в том, что рассказал Ефимка, хорошего было мало. От встретившегося старика-пастуха он узнал, что — один с утра, другой к полудню — проскакали по дороге два казачьих раз'езда, что впереди в Кабакине бушует белая банда.



Костер погас, и только одна головешка чадила

Значит оставалось только одно: бросить телеги, навьючить коней и двигаться к Кожухову через леса, через овраги пешком.

Все замолчали.

— Ефим, — предложила мать, — а что если попробовать выбраться по-другому?

— Как еще по-другому? — удивился Ефимка.

— А так. У нас на лбу не написано, что мы беженцы. Мало ли кто. Ну из голодающей губернии... ну погорельцы. Женщины да ребята. Кто нас тронет?

— Нельзя,— насторожилась Верка.— Самойловы евреи. А белые казаки бьют их начисто.

— Ну так давайте тогда разделимся,—рассердилась мать,—и пусть каждый идет сам по себе. Если мы целым табором, то нас каждый заметит, а по отдельности куда как легче будет.

— Так нельзя, — опять перебила Верка и с удивлением посмотрела на молчавшего Ефимку.

— Тебя не спрашивают,—оборвала ее мать.— А двадцать верст с ребятишками по оврагам, болотами, да лесом—это разве можно? Ты думаешь мне добра жалко? Мне не жалко, бог с ним. Можно одну телегу Евдокии отдать, другую Самойлихе. А мы и так потихоньку доберемся. Где я Вальку поднесу, где ты, Ефимка, поможешь.

Ефимка молчал, но он видел, как сбоку все больше и больше высовывается седая трясущаяся голова Самойлихи и как яростно укачивает Самойлиха плачущую Розку, стараясь не пропустить ни слова.

— Дура ты! — вполголоса сказал Ефимка и поднялся от костра.

— Это кто дура? — переспросила притихшая мать.

— Ты дура. Вот кто! — злобно выкрикнул Ефимка и, ударив кулаком любопытного каурого конька, плюнул и пошел к телегам.

— Что ты, Ефимка?—спросила Верка, подходя к нему, в то время, когда он стаскивал с телеги брезентовое полотнище.

— Ничего. Спать надо, — коротко ответил Ефимка. — Укрываться чем будем?

Когда Верка притащила широкую жесткую дерюгу, Ефимка, сидя на разостланном брезенте, перематывал портянки.

— Чтобы он пропал, этот Собакин,—опять выругался Ефимка и озабоченно спросил:—Розка-то чего орет? Только еще нехватало, что заболела.

Легли рядом, укрылись дерюгой и замолчали.

Черные тучи, которые так беспросветно обложили вечером горизонт, тяжело и упрямо двигались на запад, обнажая холодное, блистающее звездами небо.

И вдруг среди великого множества Верка узнала одну знакомую звезду. Верка повернулась на спину, чтобы получше рассмотреть, не ошиблась ли. Нет, ошибки не было. Так же, крючком, стояли три звезды справа, четыре слева. Сверху не то змейка, не то блестящий птичий клюв, а посредине сияла спокойная, светлая, голубая — та самая, которую видела однажды Верка из окна, когда лежала она на жесткой койке тифозного барака.

— Ефимка,—с любопытством сказала, повернувшись на бок, Верка. — А какой по-твоему будет социализм? Ну вот например, то так люди жили, а то будут как?

— Еще что! — сонным голосом отозвался Ефимка.—Как будут? Да очень просто.

— Ну а все-таки. Как просто? То например работаешь, работаешь, пришла получка—получил, потом истратил, потом опять работаешь, потом воскресенье. Пошел гулять или пить или в гости, потом опять работаешь, потом опять воскресенье. Или, скажем, мужик... Смолотил он пшеницу, свез в город, купил корову, потом корова сдохла. Вот он опять посеял... У одного уродилась, он еще корову купил. А у другого или не уродилось или градом побило...

— Почему же это сдохла? — удивился и не понял Ефимка. — Ты бы лучше книжки читала. А то: не уродилась... сдохла... Мелешь, а сама что, не знаешь.

— Ну пускай не сдохла,—упрямо продолжала Верка.—Все равно. Я, Ефимка, книжки читала. И «Азбуку» Бухарина читала и программу коммунистов. Самое-то главное я поняла. А вот как по-настоящему все будет—этого я еще не поняла. Ну, скажем, один рабочий хорошо работает, другой плохо. Так неужели же им всего будет поровну?

— Спи, Верка, — почти жалобно попросил Ефимка. — Что я тебе докладчик, что ли? Нам вставать чуть свет. Тут еще казаки... война. А она вон про что.

— Интересно же все-таки, Ефимка, — разочарованно ответила Верка и, дернув за край дерюги, обидчиво спросила:

— Что же это ты, Ефимка, на себя всю дерюгу стащил? У тебя ноги в сапогах, а у меня совсем голые.

— Вот еще! Чтоб ты пропала! — заворчал Ефимка. И, сунув ей конец дерюги, он отвернулся и сердито закрыл лицо фуражкой.

Проснулся Ефимка от того, что кто-то тихонько поправил ему изголовье.

Открыл глаза и узнал мать.

— Ты что?—добродушно спросил он.

— Ничего,—позевывая ответила мать и села рядом.—Так что-то не спится. Лежу, думаю. И так думаю и этак думаю. А что придумаешь? Тошно мне, Ефимка!

— Хорошего мало! — согласился Ефимка. — Всем плохо. А мне, думаешь, весело?

— Тебе что! — с горечью продолжала мать.— Что ты, что она — ваше дело десятое. Ей пятнадцать, тебе шестнадцать. А мне сорок седьмой пошел. Вот сплю, проснулась—смотрю... что такое? Кругом лес... шалаш. Ни дома, ни Семена. Ребятишки в траве, как кутята, приткнулись. Вышла — гляжу, ты валяешься под дерюгою. Господи, думаю, зачем же это я тридцать лет крутилась, вертелась... Все старалась, чтобы, как у людей, как лучше. И вдруг что же... Погас свет. Зажужжало, загрохало. И не успела я опомниться, как на, возьми... шалаш, лес. И как будто бы все эти тридцать лет так разом впустую и ухнули.

Мать замолчала.

— Сапоги-то отцовские утром переодень,— равнодушно предложила она.—Сапоги новые, малы ему. Все на муку променять хотела. Теперь все равно бросать, а тебе как раз впору.

— Это хорошо, что сапоги, — обрадовался Ефимка.—Да ты, мама, не охай. Вот погоди, отгрохает война—и заживем мы тогда по-новому. Тогда такие дома построят огромные... в сорок этажей. Тут тебе и столовая, и прачечная, и магазин, и все, что хочешь, — живи да работай. Почему не веришь? Возьмем да и построим. А над сорок первым этажом поставим каменную башню, красную звезду и большущий прожектор. Пусть светит!

— А куда он светить будет?—с любопытством, высовывая из-под дерюги голову, спросила Верка.

— Ну куда? — смутился застигнутый врасплох Ефимка. — Ну никуда. А что ему не светить? Тебе жалко, что ли?

— Не жалко, — созналась Верка. — Я и сама люблю, когда светло. Пусть светит!

Верка хотела было уже поподробней выспросить Ефимку, как будет и что, но тут ей показалось, что ефимкина мать тихонько плачет. Тогда она сунула голову под дерюгу и замолчала. Догадавшись, о чем мать собирается говорить, притворился сонным, замолчал и Ефимка.

Мать посидела, вздохнула, встала и ушла в палатку.

— Это она на меня за Самойлиху обиделась,— вполголоса об'яснил Ефим и, закрывая голову, угрожающе предупредил:

— А если ты, Верка, опять со мной начнешь разговаривать, то я спихну тебя с брезента, и спи тогда, где хочешь.

*

Утром, разбирая и скидывая ненужный скарб, старуха Самойлиха нашла в телеге под соломой ободранную трехлинейную винтовку.

Как она сюда попала, этого никто не знал.

И обрадованный Ефим решил, что винтовку забыл потерявшийся подводчик.

Все домашнее барахло—мешки, узлы, зимнюю одежу—стащили в гущу орешника, закрыли брезентом, закидали хворостом на тот случай, если приведет судьба вернуться.

На каурого конька сложили одеяла, сумки с остатками провизии, котелок, ведро и чайник. А сбоку тощей коняки ухитрились приспособить старенькую плетеную корзину. Сунули в нее подушку и посадили двоих несмышленых малышей.

— Сейчас трогаем,—сказал Ефим, закидывая винтовку за плечо.—А где Верка?

— Здесь, здесь! Никуда не делась, — откликнулась Верка, выбегая из-за куста.

Взамен вчерашнего рваного платья на ней была короткая юбка клешом и синяя блузка-матроска.

— Ишь ты как вырядилась, откуда это?—удивился Ефим.

— Бабка в узелок сунула. Выбрасывать, что ли,—задорно ответила Верка, находу пристегивая подвязки к новым чулкам.

И тут Ефимка увидел, что не только одна Верка, но и его мать и тихая Евдокия тоже были наряжены в новые башмаки и платья.

— Как к празднику, — усмехнулся Ефим и, хлопнув кнутовищем по высоким голенищам новеньких отцовских сапог, обернулся к ребятишкам и скомандовал:—А ну, кавалерия... давай вперед!

Сначала было неплохо. Мальчишки шныряли по кустам, подбирая грибы, выламывая хлыстики и общипывая грозди яркокрасных волчьих ягод.

Самойлиха нашла под соломой винтовку

Но вскоре дорога ухудшилась. Попадались болотца, потом овраги, некрутые, но частые, после которых приходилось останавливаться на роздых и перевязывать кое-как притороченные вьюки.

Уже спускались сумерки, когда усталые, измотанные беженцы очутились опять без дороги в таком густом лесу, что ни клочка неба, ни единой звездочки нельзя было разглядеть сквозь шатер шумливой листвы.

Наспех выбрали бугорок посуше. Кое-как раскидали оставшееся барахло, вздули костер и весь табор сразу же завалился спать.

На каурого конька сложили одеяла, котелки и чайник

Первой проснулась Верка. Вздрагивая от холода, она пробралась к костру. Несколько крупных капель упали на ее плечи. Рванул ветер. И с тяжелыми перегудами и перекатами загремели невиданные тучи.

Сгрудили ребятишек кучею. Накрыли их брезентовым полотнищем и, укрывшись кто чем попало, спрятались под дерево сами.

Гроза стихла только к рассвету. Все перемокли, продрогли, но вокруг не оставалось ни клочка сухой травы. Чтобы хоть немного согреться на ходу, решили сейчас же двигаться дальше. Но тут явилась новая беда. Испуганная ночною грозою, сорвалась привязи и пропала куда-то их старая кляча. Мокрый каурый конек ходил рядом, а клячи не было.

Долго рыскал Ефимка по лесу. Кидался то в одну, то в другую сторону. Свистел, покрикивал, прислушивался — и все без толку.

Спускаясь по глинистому скату, он поскользнулся и шлепнулся в холодную, липкую грязь. Молча выбрался, сел на пенек и опустил голову.

— Что, брат, попался! — тихо пробормотал Ефимка, зажмуривая красные, опухшие глаза.

— Ефимка, — сказала Верка, выбегая ему навстречу.

— А тут совсем рядом дорога.

— Какая дорога, откуда?

— Не знаю. Я тоже бегала искать коня. Вдруг гляжу — дорога. На дороге чья-то убитая лошадь. В кустах телега. А под телегой двое — старик и мальчишка.

— Подожди здесь, Верка, — сказал Ефимка, когда выбрались они к дороге.

Он выглянул.

Свесив морду в придорожную канаву, валялась мокрая серая лошаденка. Тут же рядом у телеги на соломе сидели старик и небольшой парнишка.

Заметив человека с винтовкой, парнишка забеспокоился. Но старик, повернув голову, продолжал сидеть, не двигаясь.

— Здравствуй, дедушка, — сказал Ефим, оглядываясь по сторонам и пытаясь угадать, что же это тут произошло.

— Здравствуй, коли здороваешься, — хриплым басом ответил старик, — откуда в такую рань бог несет?

— Не здешний, — ответил Ефимка. — Ты скажи, куда эта дорога идет?

— Разно куда идет. Один конец в одну сторону, другой в другую. Тебе куда надо?

— Мне? — и Ефим запнулся, — мне никуда не надо. Я так спрашиваю.

— Ну, а никуда, так и гуляй по лесу. На что тебе дорога? — грубо ответил старик и, нахмурив косматые брови, прямо и безбоязненно спросил:

— Это из вашей что ли банды мне коня ночью угробили? Я с парнишкой еду, вдруг: «Стой. Кто едет? Потом бах, бах... Погодите, разбойники, добабахаетесь.

Старик тяжело повернулся и продолжал:

— Банда-то ваша отткуда, Кабакинские? Кто у вас там верховодит, Гришка Кумаков что ли? Так и скажи ты этому Гришке, что повесить его, подлеца, мало. Что же ты молчишь? Рот разззявил? Или ты думаешь, я винтовки твоей испугался?

— Мне Гришка Кумаков не нужен, — ответил Ефимка, с уважением разглядывая этого крепкого старика. — Ты скажи лучше, как бы это мне поскорее да похитрее на Кожуховку выбраться?

— Так бы и говорил, что на Кожуховку, — помолчав ответил старик и охотно рассказал Ефимке, куда ему надо держать путь.

*

Вернулся тогда Ефимка в табор, напоил каурого коня, из подушки и веревок смастерил плохонькое седлышко, приладил за плечи винтовку и сунул в карман кусок хлеба.

Молча обступили его всем табором. Теперь оставалась только одна надежда, что сумеет Ефимка пробраться в лес, переплыть через реку и доберется до Кожуховки с просьбой о подмоге.

Провожала его Верка до самой дороги. Здесь они остановились.

— Ступай, — сказал Ефимка. — Коли не вернусь к ночи, то попробуй пробраться сама. Ну иди... Чего же ты стала, как столб!

— Ефимка, — дотрагиваясь рукою до веревочного стремени, тихо сказала Верка, — ты смотри. Если с тобою что-нибудь случится, то и мне и всем нам будет тебя очень-очень жалко.

— А мне вас, дура, разве не жалко, — сердитым и дрогнувшим голосом выкрикнул Ефимка и ударил по коню каблуками.

Высунувшись из-за кустов, Верка видела, как быстро помчался он по сырой дороге. Остановился у ветхого мостика через ручей, оглянулся назад и, махнув ей рукой, круто свернул в лес.

Стало теперь как-то пусто, тихо и уныло в таборе. Никто уже не покрикивал, не поругивался, не распоряжался. Пригреваемые солнышком, уснули продрогнувшие за ночь ребятишки. Еле-еле разгорался сырой костер.

К вечеру опять где-то загремело, загрохотало. Потом по дороге с шумом и звоном промчалось несколько всадников.

Тогда потушили костер и собрались все в кучу.

Ждали, очень крепко ждали и надеялись они на своего хорошего и смелого парня — на Ефимку.

*

Свернув с дороги в лес, Ефимка вскоре очутился на той тропке, о которой рассказал ему старик. Здесь было тихо и пусто. Бойко и задорно поддавал ходу каурый конек.

Рысью промчались они мимо густых зарослей осинника. Разбрызгивая грязь, пролетели они хлюпкое болотце. Потом на горку — по сухому песку. Потом поворот... Еще поворот. Мимо ушей посвистывал теплый влажный ветер. Ефимка покрепче надвинул фуражку, поправил наскаку винтовку и улыбнулся, радуясь тому, как быстро и просто остаются позади версты.

Опять поворот, еще поворот. Вдруг что-то грохнуло и, едва не перелетев через голову коня, Ефимка остановился.

Не дальше как в сотне шагов от него, там, где тропка перекрещивалась с дорогою, стояли три всадника. И двое из них старательно целились вверх, сбивая выстрелами изоляционные чашечки телеграфных проводов.

И не успел Ефимка опомниться, как одна пуля с визгом пронеслась мимо его головы, а другая чуть не вышибла его из седла, крепко рванув приклад перекинутой за плечи винтовки.

Тогда Ефимка пригнулся так, что едва не обхватил руками шею каурого, и опомнился только после того, как почувствовал, что каурый тихо шагает среди низкорослого болотистого леса.

Ефимка остановился. Шапки на нем не было. Кусок приклада был вырван пулей. Потрогал мокрый лоб — пальцы покраснели. Вероятно наскаку содрал он кожу о сухую ветку. Посмотрел на солнце. Солнце висело теперь уже не слева от него, а впереди и чуть справа.

— Как же выбираться? Плутать буду, — с тревогой подумал Ефимка.

В сырой прохладе однотонно, как нечаянно тронутая струна, звенела болотная мошкара. Далеко и грустно куковала кукушка.

...Что же ты нам клялся до зари,
Что же ты обещался, говорил...

— опять вспомнил Ефимка ту самую немудреную песенку, которую еще так недавно пели заводские девчата, возвращаясь с комсомольской вечорки.

А теперь, поникнув бледной головой,
Ты стоишь, проклятый сам не свой.

Все тогда пели, и Верка пела, и он подпевал тоже.

И тут Ефимка почувствовал, как крепче и крепче колотится его сердце, как горячей, ярче краснеет его лицо и как тяжелая и гордая злоба начинает давить ему пересохшее горло. Был завод, школа, дом, комсомол, песня. А теперь ничего кроме этих усталых женщин да побледневших, измученных ребятишек, которые его ждут, на него надеются, в то время как он тут без толку месит грязь в болоте.

— Ах, собаки!.. Ах, императоры!.. незаметно для себя так же протяжно и с той же злобою повторил он, как и тот избитый бандитами мужик, который встретился недавно в лесу.

Ефим спрыгнул с коня. Плеснул болотной водою на окровавленный лоб. Подтянул седло и поправил винтовку.

Солнце опять стало слева. Славный каурый двинул рысью. И слегка сгорбившемуся Ефимке вдруг показалось, что теперь уже никто и ничто не сможет помешать ему пронестись, пробиться, прорваться к своим — в Кожуховку.

Конь вынес его на ту же тропку. Вскоре засверкало широкое поле. Вправо на бугорке виднелся хутор. Кто-то махал Ефиму шапкой и кричал, по-видимому приказывая остановиться. Вскоре трое верховых, отделившись от ограды, кинулись за ним вдогонку.

Первая пуля слабо взвизгнула где-то высоко и в стороне. Потом вторая.

— Врешь, не попадешь, а догнать не догонишь! — злорадно подумал Ефимка, заскакивая на опушку негустой рощицы. И вдруг он увидел, что рощица быстро расступается. Внизу под горкой голубеет спокойная широкая река, а за рекой за просторными лугами раскинулось на горе село Кожухово.

Вот они — мельница, колокольня, старый барский дом над обрывом, а на высоком шпиле дома бодро колышется еле-еле заметный отсюда красный флаг.

Ти-у! опять взвизгнула пуля, но теперь уже неподалеку.

— Врешь, не попадешь, а догнать не догонишь, — гордо повторил Ефимка и вместе с конем бултыхнулся в воду. Холодная вода залила сапоги. Еще несколько шагов и вода подошла к седлу. Слева и справа от коня полетели брызги. Тогда, не раздумывая, Ефимка свалился в воду, ухватился за гриву, и облегченный каурый, высоко подняв морду, рванулся вплавь.

Только что успели они выскочить к кустам на берег, как вдруг каурый вздрогнул, поднялся на дыбы, упал на колени. Он попробовал встать, но не встал, а грузно повалился на бок, задергал ногами и захрипел. И тотчас же Ефимка услышал плеск воды.

— Ах, вот как! — стиснув зубы, гневно пробормотал Ефимка. И низко пригибаясь, он пополз обратно к берегу.

Отсюда из-за куста ему было видно, как три всадника один за другим уверенно спускались в воду.

Тогда, сдерживая дыхание, Ефимка медленно оттянул предохранитель и нацелился в грудь первого. Но рука дрожала и не слушалась. Он поло-

ЛИСТОК СЧАСТЬЯ

Американский молодой инженер Дуглас Штиммер и негритенок Майкель Бьерк по прозвищу Хеппи — приятели.

Штиммер спас Хеппи от самосуда. Потом они вместе работают на строительстве плотины. Штиммер сочувствует недовольству рабочих. В газете сообщают, что Штиммер спас негра от суда Линча. Штиммеру и Хеппи нельзя больше оставаться в Америке. Они на пароходе прибывают в СССР. Здесь Штиммер устраивается инженером на строительстве Уралхимкомбината.

Хеппи знакомится с ребятами. Вместе с Алешкой он идет в подземелье к «Магистру», который «изобрел» перпетуум-мобиле.

Роман С. Григорьева
Рисунки П. Кузьмичева

Один в подземелье

Обеспокоенные дикими звуками, ребята выбежали в первую камеру, где раньше горел ночник. Он погас. В камере гулял ветер. В туннеле свистало и выло. Здесь были ясно слышны потревоженные гудки паровозов, прерывистый вой сирены на воздуходувке и густой басовый крик рудника.

— Авария! — сказал Алешка. — Бегём бегом, братцы!

— Куда бегём? Наверно опять буран разыгрался. Поди, попробуй, суньсь! — проворчал Магистр.

Хеппи сунулся в туннель: ему удалось проползти не более пяти шагов, дальше туннель был засыпан снегом. Пятясь раком, Хеппи выполз обратно.

— Снегу много! Нельзя.

— Лопатка есть у тебя, Ванька? — спросил Алешка.

— Я здесь не Ванька, а Магистр; прошу не забывать.

— Я тебя спрашиваю, лопата есть?

— Нет, говорю.

— Врешь!

— Брось, Алешка. Слушай, ребята, идем: я покажу машину. Ты, черный, как тебя! Машину хочешь поглядеть, как она вертится?

— Машину? — Хеппи подумал и ответил: — Хочу!

Ребята вернулись в большую камеру подземелья.

Алешка осмотрел углы и в одном увидел деревянную лопату.

— Я говорю, врешь, — закричал Алешка, хватая лопату. — Хепка, айда отгребаться... Там может аврал об'явили. Понимаешь, аврал? Айда!

— Аврал? All hands on deer!?[1]

— Надо всем, надо бегом! — сказал Хеппи, натягивая куртку. — Магистр тоже «айда»! Корабль тонет, никто не сидит без работы. Все руки на палубу!

— Я не пойду. И вам запрещаю властью Магистра, — торжественно сказал Ванька Тюляля. — Если вы пойдете, я исключаю вас обоих из «Магнита».

— А я вот расшибу твою машинку, коль не пойдешь!

Алешка замахнулся над моделью двигателя лопатой. Хеппи оттолкнул его.

— Не надо! Делаем иначе. Ты, товарищ, не хотел «айда» аврал? Ты не хотел, когда тонет корабль? Нет? Тогда тебя за борт. Понял? Айда?

— Нет не айда. Пошел сам в дыру!

— Все «айда» в дыру! Нет? Тогда бери магнит. Вот. Мне не надо!

Хеппи кинул магнит на пол.

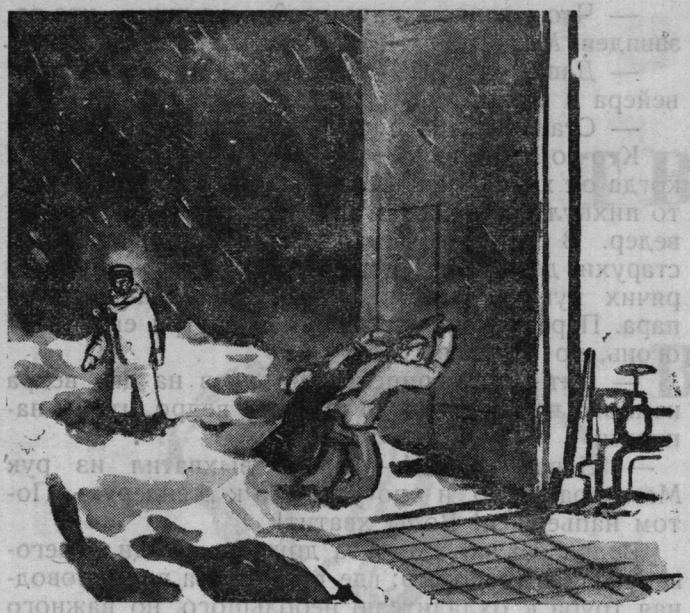
— И мне не надо! — Алешка тоже швырнул об пол свой магнит.

Хеппи и Алешка выбежали вон и принялись, сменяясь, отгребаться. Им пришлось выгрести в первую камеру порядочную кучу снега.

Сирена на воздуходувке перестала выть. Паровозы прекратили тревожный рев и деловито перекликались. С горы гудки еще звали. Алешка и Хеппи выбрались наружу. На воле буран бушевал с неистовой силой.

Магистр остался один. Он прислушался к глухому, похожему на живые крики зову гудков и бледно усмехнулся. Оделся. Выполз из норы, проделанной Хеппи и Алешкой: ее уже снова заметало. Магистр посмотрел на белесую мглу, прорезанную серебряным заревом огней около домен

[1] Все наверх!?



и ЦЭС и вернулся в свое подземелье. Чайник над горном кипел, заливая из носика кокс.

— В таком случае я буду экспериментировать один. А вы все пошли, куда хотите!

Магистр налил в корытце своего двигателя кипятку, разбавив его холодной водой, сел перед машиной на скамью и уставился на колесо. Прошло не более минуты, и колесо без всякой видимой причины пришло в движение. Вращение ускорилось, заработал насосик, выбрасывая толчками воду из шланга.

Магистр тихо рассмеялся, любуясь машиной. Колесо вращалось все быстрее. И Магистр смеялся все громче. На глазах его выступили слезы. Внезапно он поник головой и увидел брошенные Алешкой и Хеппи магниты. Слезы потекли из глаз Магистра ручьями.

— Черти! Ушли! Ну ладно! Еще присунетесь. Будете проситься в «Магнит», да не приму. Ни за что не приму!

Время шло.

— Скоро, поди, час, как ушли, а оно все вертится! Во!

Колесо все еще вращалось. Магистр приостановил его рукой, отпустил. Колесо, постояв с минуту, опять пришло в движение, ускоряя бег. Остановил еще раз, отпустил. То же. Все то же. Одно и то же.

Магистр прислушался. В дымоходе горна завывал ветер. Потрескивая, угасал кокс.

— Еще этот чорт сказал, тоже: «Корабль тонет,—все наверх!». «Кто не хочет — за борт...» Ха-ха! Очень мне нужно! Аврал... Тонет корабль!

Магистру показалось, что над его головой где-то вверху (это на палубе) поднялся топот множества ног. Раздались крики. Кто-то рыдал. Кто-то звал на помощь...

Зажав руки в колена, Магистр уверял себя, бормоча:

— Это ветер, ветер воет. Опять буран... Нет, кричат! Как страшно!

Железный бор в степи

Магистр схватил с постели свое пальтишко, нахлобучил шапку и выбежал из камеры, захлопнув за собой дверь. Пролез в туннель. Туда снова нанесло снегу. С отчаянием, словно кто за ним гонится, ползет, хватая за ноги, Магистр отгребал снег назад от себя, как крот, и выбился на волю... Сугробы рыхлы. Мороз крепчает. Снег сухой. Пурга все застилает. Сквозь воющую метель неясными призраками встают ближние корпуса. Найти тропинку невозможно. Надо итти (а хочется бежать) целиком, наугад выбирая направление. Местами снегу насыпало по грудь. Он так сыпуч, что ноги в него уходят, будто в зерно в амбарном закроме, пока не дойдут до твердой земли: легче купаясь ходить по песчаному дну по грудь в воде, чем по такому снегу.

Магистр пошел, барахтаясь в снегу, на зарево света, где, надо думать, были домны. Постройки не защищали от ветра и снега, около стен ветер вздымал стоячие волны... Врываясь в пустые окна и пролеты, ветер вскрикивал на разные голоса. Трещали, ломаясь, доски. Железные конструкции гудели струнами. Звенели провода на столбах. Бабахали откуда-то из тьмы непонятные удары, напоминая забивку свай гигантским копром.

Магистр скоро выбился из сил. Ему стало нестерпимо жарко, словно в летний зной. Он обливался горячим потом. Думал вернуться назад в подземелье «Магнита», но дороги нельзя было найти: след, нет не след, траншею, пробитую парнем, сейчас же заметало.

Сделав попытку итти назад, Магистр «Магнита» скоро совсем закружился. Поплутав еще наугад, Магистр завидел перед собой сквозь метель темную стену. Она шумела сосновым бором в ночную бурную грозу.

— В лес! Скорее в лес! — бормотал Магистр, и ему показался свой голос чужим, будто кто-то, тяжело дыша, плетется рядом с ним и бормочет в ухо:

— В лес! Там тихо и тепло... Какой же это бор? Тут не было леса... Где ж домны?

Магистр остановился, смотря вверх, но завода над домнами не было видно из-за метели.

Магистр начал пробиваться к лесу, хотя знал, что вокруг стройки на триста километров не было ни одной сосны, ни одного дерева, кроме талов в пойме Яика.

То, что явилось парню в буране сосновым бором, когда он пробился к нему, оказалось бесконечным лесом железных колонн; сердце Магистра радостно забилось, он громко зарыдал: ошибки не могло быть: это строй железобетонных колонн прокатного цеха, перекрытых еще голыми фермами. В такой шторм сосны даже векового бора качаются и гнутся, размахивая вершинами, роняя сучья; укрываться от непогоды в сосновом бору бывает даже и небезопасно: может убить срезанной бурей вершиной. Этот железобетонный бор стоял недвижимо в вихрях метели и только гудел.

Теперь сбиться с дороги можно только нарочно, прокатный цех вытянулся на восемьсот метров от цеха мартенов в сторону будущих складов готового проката: рельсов и балок у третьего блокпоста.

Магистр не знал, с какой стороны он вошел в лес колонн — с правой или левой, считая от блокпоста, и пошел наугад туда, куда стоял лицом, войдя под сеть железобетонного бора. Напрасно

напрягая слух, Магистр хотел сквозь рев пурги расслышать людские крики и голоса, — нет, только вой и визг, и гул в бору. И гудки на горе замолкли.

— Смирно, смирно! — успокаивал себя Магистр. — Сначала надо определить продольное направление цеха.

Пройдя мимо нескольких колонн, Магистр остановился: перед ним снова открылась пустая белесая стена воющей метели, значит он шел поперек... В колоннаде цеха было поперек шесть сдвоенных колонн — они образуют пять продольных пролетов: три узких и два широких.

Повернув вдоль цеха под прямым углом, Магистр пошел, держась среднего узкого хода. Отсюда снег выметало, но итти не легче; поперек то и дело попадались рытвины, неубранные доски, спутанные «баранчики» арматурной проволоки. Магистр выбивался из сил, падал, вставал и шел дальше снова падал и, полежав, вставал опять шел вперед. Он пробовал кричать, но уже не слышал своего голоса: грозно ревел буран и кругом была все та же белая тьма с черными вехами колонн.

Маленькая авария

Магистр совсем изнемог, когда услышал, что совсем близко гукнул паровоз. Ванька Тюляля увидел сначала смутно, а затем все яснее голубой столб света влево от колоннады, это могло быть только одно—свет от огромного созвездия огней доменного цеха. Магистр «Магнита», собрав оставшиеся силенки, все шел вперед, падая, вставая, спотыкаясь. Пойти влево прямо на свет он не решался, там пришлось бы опять утопать в сыпучем снегу.

Столб синего света яснел, вздымаясь все выше; достигнув зенита, столб, казалось, опрокинется и обрушит фермы перекрытий. Магистр побежал. Впереди слева послышались крики, вздохи паровозов, грохот механизмов домны. Внезапно завеса метели раздвинулась—Магистр увидел перед собой обшитую диктой[1] стену тепляка и распахнутую внутрь дверь; из двери валил пар. Слышался оттуда гул народа.

Магистр вошел в дверь и, качаясь, ухватился за рейку. Место было незнакомое. Работал живой конвейер: люди стояли в три ряда цепью; в одну сторону двумя рядами передавали куда-то вглубь ведра, полные водой,—по одному ведру на человека,—по третьему ряду шли ведра попарно обратно; где-то близко шумела струя из пожарного стендера, из него и брали воду...

[1] Тонкие листы дерева, клеенные поперек в два слоя—то же, что фанера.

— Что, глядеть пришел? — крикнул кто-то, завидев Магистра. — Становись в ряд.

— Давай, давай! — пронеслось из конца конвейера в конец.

— Становись на пустые, малый, куда лезешь?

Кто-то оттолкнул Магистра и плеснул водой, когда он хотел ухватить полное ведро. Опять кто-то пихнул парня, и он очутился в цепи обратных ведер. В этой цепи были старики, мальчишки, старухи, девчонки. Пустые ведра замелькали в горячих руках Магистра. Руки сразу зашлись от пара. Парень почувствовал, что внутри его палит огонь, во рту пересохло.

— Пить!—прохрипел он, увидев на дне ведра немного воды... и хотел поднять ведро, чтобы напиться.

— Давай, давай! — кто-то выхватил из рук Магистра ведро, и оно убежало к стендеру. — Потом напьешься! Воды хватит!

Ведра бежали одно за другим... Люди переговаривались тревожно: где-то лопнула водопроводная труба к охладителю небольшого, но важного двигателя, и вот пришлось подавать воду конвейером вручную—остановить мотор было нельзя, пока водопроводчики чинили трубу. Эта авария — одна из многих мелких, причиненных буранами. А приходили слухи о более серьезных. Кто-то новый вбежал, сообщил:

— Вот беда! У воздуходувки во всех этажах окна вышибло!..

— Стала воздуходувка?

— Нет, еще идет! «Сам» туда послал Михайлу Павенцова...

— Этот не подкачает!

— Слышно, троих порезало стеклами!..

— Воздуходувка станет, и домне каюк! Посадят козла...

— Не дадут...

— Не дашь! Свету вольного не видно. Как тут работать? Здесь-то мы в тепле. А я видел, комса на скипе, на самом ветру наверху.

— А что со скипом?..

— Замело все снегом. Тоже неладно...

Магистр вслушивался в слова и едва их понимал от усталости. Сердце его замирало. Жажда палила. В глазах темнело. Он неловко несколько раз ронял ведра.

— Поди ты прочь,—закричали на него,—коли не можешь! Недотепа!

— Нет, я могу!..

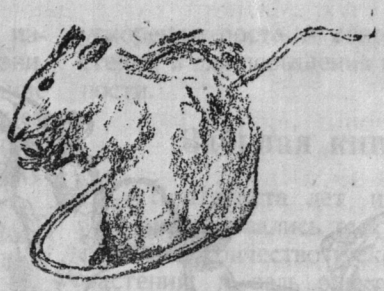
Магистр схватился крепко за дужки ведер...

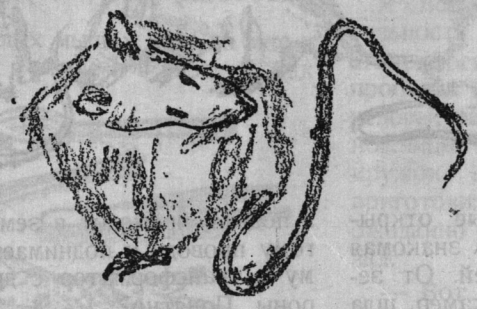
— Да что ты держишь?..

В голове Магистра закружилось, он, гремя ведрами, рухнулся на пол... Его оттащили в сторону; он так крепко вцепился в дужки, что скорченные пальцы разжали с трудом

(Продолжение в след. номере)

ЛЕКАРСТВО В 50.000 ВОЛЬТ





Очерк об Институте аэроионизации

Рис. М. Аскинази

Беглая белая мышь

«Не курить», «Посторонним вход строго воспрещается», «Опасно для жизни» — так встретил меня вход в эту таинственную лабораторию.

Пустяки! Любознательный человек не должен быть трусом.

— Эй! Где тут живые люди?

Мерный гул и легкое потрескивание слышались за дверьми.

Я вдруг обомлел... прямо на меня, задрав хвост, по полу бежала белая мышь. Я от неожиданности вскочил на подоконник.

— Клава! Мышь убежала. Ловите! Осторожней! Скорей! — кричал кто-то в соседней комнате.

Послышался топот, и две женщины в белых халатах и худой лохматый мужчина выскочили в коридор со стеклянными колпаками в руках.

— Вот она! Вон!

Мышь металась между ногами людей и вскоре была ловко накрыта колпаком.

— Молодец Клава! Этой мыши нет цены. Она из последней серии моих опытов и обнаруживает поразительные результаты.

Говоря это, мужчина приподнял колпак, и поймав мышь за хвост, понес ее в лабораторию. Соскочив с подоконника, я проскользнул за ним в дверь.

— Куда? Осторожней! Нагните голову! — предупреждающе закричала Клава.

Но было поздно. Раздался треск. Проскочила искра, и я от неожиданности растянулся на полу. Кто-то оттащил меня за ноги от аппарата. Заведующий лабораторией (это он только что поймал мышь) нажал кнопку, и шум прекратился.

— Шура, Клава, идите к мышам, а то разбегутся, а я помогу товарищу.

Ваше счастье, что опыт шел только при 50 тысячах вольт, а то пришлось бы вас отправить в крематорий. Чем могу служить?

Я окончательно пришел в себя.

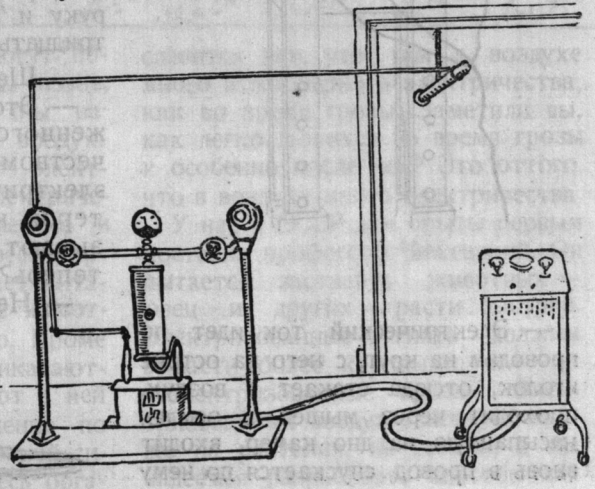
— Я, — говорю, — заинтересовался вашей лабораторией.

Ручеек в пятьдесят тысяч вольт

Заведующий лабораторией рассердился.

— Интересоваться надо с толком. А то видите, как вас дернуло сегодня.

Я пожал плечами.



— Подумаешь! Я недавно чинил у себя штепсель, и меня так же ударило, не сильнее, чем сегодня. Никакой разницы.

— Нет, разница большая, из штепселя вас ударило током для освещения — это ток низкого напряжения, всего 120 вольт, а у нас 50 тысяч.

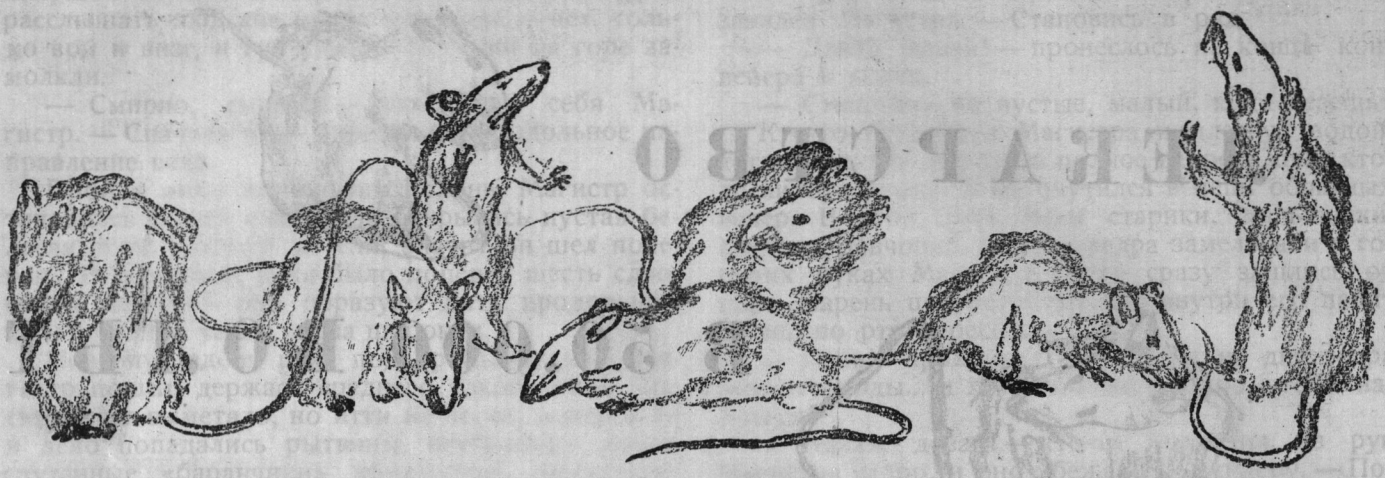
— Как странно,—удивился я,— ток и в 120 вольт и в 50 тысяч вольт бьет почти одинаково.

— О! Далеко не всегда, — возразил зав. — Одинаково ударило в обоих случаях лишь потому, что сила тока была очень различна.

— Не понимаю.

Заведующий лабораторией подвел меня к доске, исписанной цифрами. Стерев их, он взял мел и принялся об'яснять.

— Сила электрического тока и электрическое напряжение—не одно и то же. Ток бежит по проводам, как река по своему руслу. Чем наклоннее дно реки, тем сильнее напряжение, с каким вода течет по своему пути. У огромной реки, как Волга, и у маленького ручейка напряжение может быть одинаковым, если наклон местности, по которой они текут, одинаков. Но сила Волги и сила ручейка при этом очень различны. Почему? Да потому, что за одну секунду мимо человека, стоящего на берегу Волги, протекает в тысячу раз больше воды, чем мимо того человека, который стоит на берегу ручейка. Сила тока воды в Волге сдвигает баржи, огромные плоты, пароходы, а ручеек своей силой может сдвинуть только щепку, муравья, листья. По проводам к электрической лампочке от городской электростанции бежит ток



небольшого напряжения, но довольно большой силы, а наш аппарат перерабатывает его в ток очень высокого напряжения, но очень маленькой силы. Вот потому-то ток и не убил вас сегодня, что сила его была мала, в несколько тысяч раз меньше, чем сила городского тока, зажигающего лампочки.

Силу тока мы измеряем амперами. Это название произошло от имени французского физика Ампера. Если сравнить, то, как я уже об'яснял, вольты — это наклон, по которому течет вода, а ампер — это количество воды, протекающей мимо вас в секунду. Поняли?

— Да, понял. Но при чем здесь мыши, когда здесь сплошное электричество.

Электрическая медицина

— Наши опыты имеют большое значение и для животноводства и для медицины, но если вы ничего не поймете в силе тока и в напряжении, то опытов не поймете. Слушайте лучше про аппаратуру.

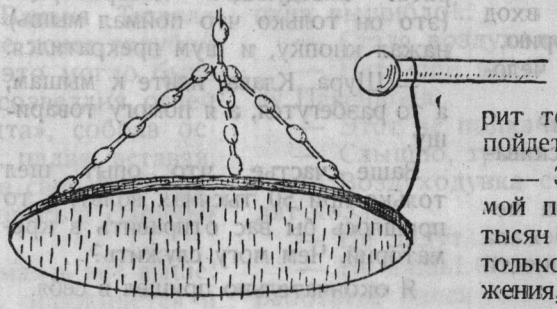
Вот эта большая металлическая коробка—трансформатор. В нем городской ток переделывается в ток слабой силы, но высокого напряжения, которым мы действуем на животных.

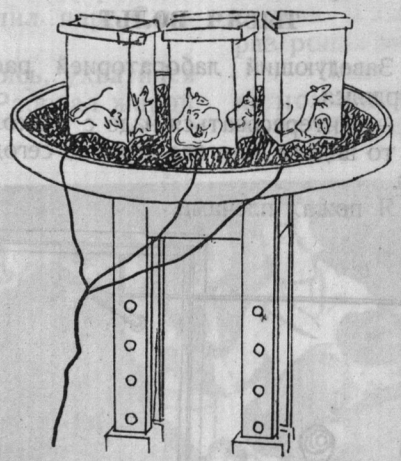
Я вспомнил, как меня стукнуло у штепселя и здесь.

— Постойте! Зачем это делать, если и городской ток все равно действует почти одинаково?

— Вы никак не можете забыть своих электрических неприятностей,— сказал заведующий лабораторией.— Смотрите, что здесь, и все поймете.

В следующей комнате висел металлический плоский круг с множеством иголок, припаянных снизу. Круг соединялся толстым электрическим проводом с трансформатором. А под кругом на расстоянии 50 сантиметров от иголок стояли на подставках стеклянные открытые сверху камеры, куда знакомая мне Клава сажала мышей. От земли, насыпанной на дно камер, шла проволока, спускавшаяся через все здание в подвал и зарытая глубоко под полом в землю. Отсюда же, из земли, другой провод шел обратно, вверх к трансформатору.





— Электрический ток идет по проводам на круг, с него на острие иголок, отсюда стекает в воздух, проходит через мышей в землю, насыпанную на дно камер, входит вновь в провод, спускается по нему в подвал, проходит в землю к другому проводу и поднимается по нему в трансформатор с другой стороны. Понятно?

— Я понимаю, что ток может итти по проводам. Может итти наконец в земле. Но как же он пойдет через воздух? Вот,— я подбежал к штепселю и помахал около него рукой,— вот, через воздух ток в меня не идет. Подойдите, попробуйте сами! А вот если я всуну в штепсель проволоку, меня ударит током. По проволоке-то ток пойдет — это не воздух!

— Этот вот ток не пойдет, а мой пойдет. Не забывайте про 50 тысяч вольт. Стекает в воздух только ток очень большого напряжения, да и то лишь с острых концов, с иголок. Ваш городской осветительный ток малого напряжения даже с иголки не потечет через воздух. Поэтому мы и перерабатываем его на высокое напряжение в несколько десятков тысяч вольт. Одновременно мы ослабляем силу тока, и он тогда почти безопасен и для мышей и для нас во время нашей работы. Пустите-ка, Клава, ток.

Загудел трансформатор в соседней комнате. Заведующий взял мою руку и поднес ее сантиметров на тридцать к кругу с иголочками.

— Щекочет как будто.

— Это щекочет вас ток заряженного электричеством воздуха, электрический ветерок, как его называют. Верите теперь?

— Не совсем.

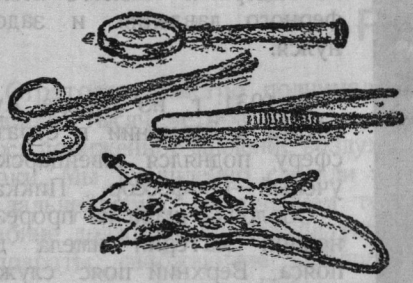
— Дайте-ка, Клава, большее напряжение! Ну что?

Руку защекотало очень ощутительно. Потом я почувствовал, как у меня волосы зашевелились на голове.

— Теперь верю совсем,— сказал я заведующему,—но при чем здесь все-таки белые мыши?

Вездесущее электричество

— В белых мышах, как во мне и в вас, как в земле и в воздухе, как



в растениях и животных, есть электричество. Электричеством пронизано все на свете. Один академик даже сказал по этому поводу, что вся природа электрифицирована с головы до ног. Нет ничего удивительного, что и в теле растений, животных, человека мы постоянно обнаруживаем разные электрические явления — токи, разряды, различные электрические притяжения и отталкивания.

Иногда для того, чтобы вылечить организм, необходимо, чтобы естественные электрические заряды ослабевали или, наоборот, усиливались. Собственными силами организм не всегда может это сделать достаточно хорошо и быстро. Вот тут-то и могут помочь электрические заряды извне, как это мы и делаем. Мы насыщаем электричеством воздух. Животные вдыхают этот электризованный воздух. Электричество проникает через легкие и кровь и разносится ею по всему организму. Он лучше усваивает питательные вещества, молодые животные растут легко и быстро. Кроме того заряды воздуха соприкасаются с кожей и возбуждают в ней кончики нервов. Возбуждение по нервам передается всей нервной системе, и это возбуждает весь организм. Есть уже много случаев излечения такой скверной болезни, как астма, при которой дыхание очень затруднено. Под действием электризованного воздуха быстрее заживают раны. Дайте вашу руку.

Он взял мою руку.

— Клава, дайте ножницы. Ножницами мы вырезаем кусок кожи из живого организма.

Я почувствовал, что любознательность меня далеко завела и я становлюсь жертвой науки. Я попробовал дернуть руку. Но ученый человек держал ее крепко. Он взял ножницы и наметил на моей руке кружок неправильной формы. Я приготовился крикнуть, но он неожиданно выпустил мою руку и сказал.

— Вот тут-то нам и необходимы мыши. С ними мы ставим опыты по заживлению ран.

Вот смотрите, какая большая рана на спине у этой мыши. У нее срезана кожа с четверти спины. Такие раны я сделал вчера 20 мышам, и дней через 12—15 у десятка мышей, которые побудут под электричеством, эти раны заживут. А у остальных десяти мышей, которых мы не электризуем, раны заживут не раньше, чем через 18—23 дня.

Мы заставили этих мышей дышать воздухом курортов. Мы только сделали его в лаборатории. Анапа например на Северном Кавказе и славится тем, что там в воздухе много атмосферного электричества, как во время грозы. Заметили вы, как легко дышится во время грозы и особенно после нее? Это оттого, что в воздухе много электричества.

У нас в СССР эти опыты первым поставил профессор Чижевский. Он пытается заставить животных — овец и других — расти быстрей. Электризованные ягнята должны вырасти более крупными, чем их неэлектризованные братья. Электризованный воздух действует также на растения, на семена, и мы надеемся разработать способы для ускорения роста и созревания растений и для повышения их урожайности.

Забытая книга

— Полтораста лет назад люди уже интересовались тем, как заставить электричество ускорять рост растений. А ведь электричество в то время только начали приручать. Это сейчас мы заставили электричество гореть в лампочках, нагревать чайники и утюги, двигать станки, трамваи и даже целые поезда. А тогда оно гуляло по небу в виде молний, и редкие смельчаки ученые пытались сводить его на землю. И все же уже тогда ученый физик и агроном Бертолон начинал делать то же, что продолжаем мы теперь.

Я покажу вам сейчас забытую старинную французскую книгу, написанную Бертолоном.

Бертолон сам ставил опыты. Он также усиливал над грядками в огородах содержание электричества в воздухе, но иначе, чем это делаем мы. Он ставил столбы с прикрепленными наверху металлическими остриями. На них оседало атмосферное электричество, которое всегда находится в воздухе, и сбегало по цепи вниз на другие острия, нависшие над растениями. С них электричество стекало в воздух и помогало росту растений.

— Неужели вы будете вешать ваши диски с иголками над целыми полями с пшеницей или с картошкой. Как работать на таких полях, как пройти по такому полю? Головой натыкаться на иголки? Да?

— Что вы! Что вы! — возразил заведующий.— Мы и не собираемся развешивать над полями такие же круги. Ведь это годится только в лаборатории. А в поле ставятся параллельными рядами обыкновенные телеграфные столбы с очень тонкой проволокой. Ток высокого напряжения стекает не только с иголок, но и с тонкой проволоки. Воздух между проволокой и землей электризуется, и растения растут и созревают быстрее.

ПОБЕДИТЕЛИ НЕБА

1

— Здравствуйте, товарищ Новиков, куда это вы летите?

— Да вот командируют меня на с'езд в Сан-Франциско. Сегодня вечером мой доклад, вот и пришлось взять билет на стратоплан, а то, знаете, неудобно опаздывать.

— Ну, всего хорошего. Вон мой стратостат уже газом наполнили, стропы разбирают. Пойти сесть в кабину.

Разговор этот происходит в Московском стратопорте... ну, скажем в 1940 году. Большие серые эллинги стоят на бескрайном зеленом поле. В эллингах живут стратопланы — экипажи будущего. Уже высчитано, что перелет из Москвы в Нью-Йорк на стратоплане займет около шести часов.

2

Стратос—по-гречески покров.

Наша земля окружена воздушной оболочкой толщиной в 700 — 800 километров. Мы живем в нижнем слое этой оболочки—в тропосфере. За тропосферой на высоте около 10 километров начинается верхний слой — воздушный океан, глубина которого остается еще неизвестной,—так называемая стратосфера.

У нас в тропосфере дуют ветры, идут дожди, падает снег, температура резко меняется. В стратосфере всегда ровная, хорошая погода. Там нет бурь, дождя и снега, температура держится всегда на уровне минус 50—60° по Цельсию.

3

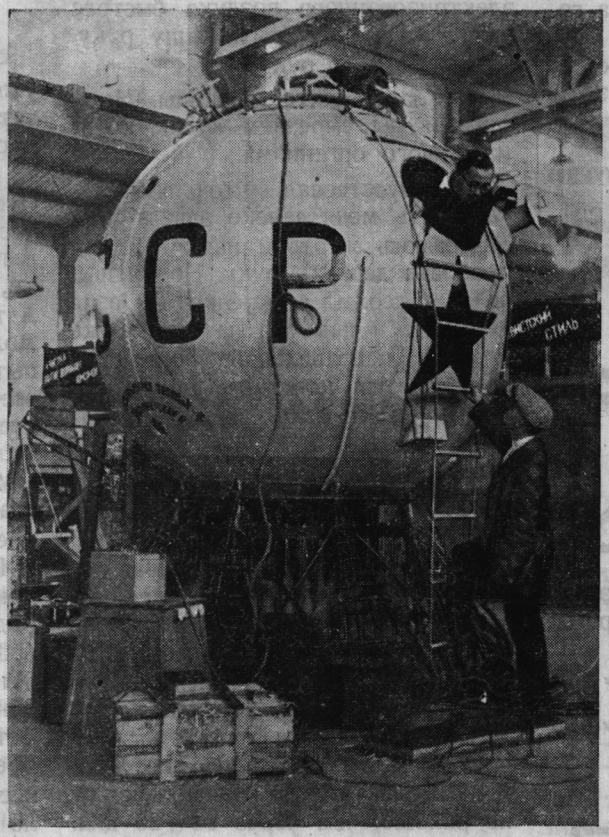
Зачем летят в стратосферу?

Изучив стратосферу, можно будет с абсолютной точностью предсказывать погоду.

Из-за ветров, дующих в тропосфере, наши самолеты принуждены передвигаться очень медленно, все время лавируя, попадая в воздушные ямы, теряя на это много полезного времени. Завоевание стратосферы открывает путь сверхскоростным сообщениям. Там, в стратосфере, не будет никаких задержек. Уже высчитано, что стратоплан может делать 1.600 километров в час.

4

Люди давно стремились разведать глубину воздушного океана. Начиная с конца прошлого столетия, было совершено несколько попыток проникнуть в стратосферу. Но все эти попытки кончились неудачей.



Гондола советского стратостата

В 1927 г. английскому летчику Грею удалось подняться на аэростате на небывалую еще высоту — 12.770 метров. Но низкое давление подействовало на Грея так сильно, что он начал задыхаться. Надо было спуститься как можно скорей. Летчик дернул за веревку, соединявшую его с клапанами аэростата. Веревка запуталась. Задыхаясь, он пытался ее распутать руками, зубами. Напрасно. Тогда, чтобы заставить аэростат спускаться, он стал выбрасывать из гондолы весь балласт, потом аппаратуру, инструменты — весь груз. У него оставался только аппарат, записывающий барометрические колебания в стратосфере. Грей считал делом чести сохранить его до конца. Аэростат стал спускаться, но при спуске разбился драгоценный аппарат, и результат полета пошел на смарку.

Буржуазный мир не признал рекорда, поставленного Греем.

— Дайте нам результаты,—сказали ему, — и мы поверим, что вы действительно поднялись на такую высоту.

Тогда Грей вторично поднялся в стратосферу. Ему удалось достигнуть той же высоты — 12.700 метров, и аэростат его благополучно спустился на английские луга. Но когда прибежавшие люди открыли гондолу и окликнули летчика, никто не ответил. Грей был мертв. Он не выдержал низкого атмосферного давления и задохнулся.

В 1931 г. из города Аугсбурга в Германии в стратосферу поднялся швейцарский ученый—профессор Пиккар.

Оболочка шара из прорезиненной материи имела два пояса. Верхний пояс служил для прикрепления поясных оттяжек, а к нижнему прикреплялась герметическая кабина. Кабина эта представляла собой алюминиевый шар со стенками толщиной в 3 миллиметра. Шар освещался девятью иллюминаторами.

Несмотря на все усовершенствования, этот первый полет Пикара был неудачен и чуть не кончился гибелью всех пассажиров.

Сначала разбился один из барометров, и ртуть грозила раз'есть алюминиевую оболочку гондолы. Потом разбился один из кристальных «глазков» для наблюдения, и экипаж должен был обратить все свои силы и все свое внимание на то, чтобы закупорить это отверстие. Конечно ни о каких научных записях и наблюдениях нечего было и думать. В заключение всех бед испортилось клапанное управление, и пассажирам пришлось ждать, пока самому аэростату вздумается спуститься.

Целый день прошел в ожидании. Кислород иссяк. Люди экономили движения, чтобы не дышать более учащенно, чем обычно, т. е. не проглатывать больше кислорода. Было высчитано число дыханий и разделено на оставшееся количество кислорода. Дело шло о жизни.

К вечеру, когда зашло солнце, шар стал спускаться и ночью спустился на одном из альпийских ледников. Пиккар и его спутники были спасены.

В августе 1932 г. профессор Пиккар снова поднимается в стратосферу из Швейцарии. И на этот раз ему удается достигнуть рекордной высоты — 16.500 метров.

30 сентября стратостат „СССР“ стартовал с московского аэродрома

Советские ученые уже несколько лет мечтали о полете в стратосферу.

Мы построили сразу два стратостата — один в Ленинграде, другой — в Москве. Оба они — из нержавеющей стали. Гондолы сваренные, удлиненной формы, оплетенные снаружи и снабженные буферами, чтобы смягчить силу удара при спуске.

На оболочку аэростата пошло 5 тысяч метров материи. Советские ученые изобрели целый ряд новых приборов для изучения стратосферы (например радиозонд профессора Молчанова), и этими приборами оборудованы гондолы стратостатов.

Рассказ пилота т. Бирнбаума

Стратостат быстро поднимался. На высоте двух с лишним тысяч метров, когда в кабинет уже образовалось пониженное давление воздуха, мы стали задраивать люки. Мы умышленно сделали это не сразу, так как в дальнейшем с увеличением температуры давление в кабине должно было повышаться. Были пущены в ход аппараты, снабжающие кабину кислородом и поглощающие углекислоту. Работали они прекрасно.

Через 42 минуты мы были уже на высоте 17 с лишним тысяч метров.

Стратостат дальше не поднимался. Сбросили часть балласта. Шар снова пошел на под'ем. 18.300 метров. Вторично сбросили балласт, и стратостат стал опять подниматься, достигнув потолка в 19 с лишним тысяч метров. Это было в 12 час. 45 мин.

Во время полета мы беспрерывно производили различные наблюдения. Четыре раза брали пробу воздуха на разных высотах и все время без перебоев поддерживали радиосвязь с землей.

Два интересных момента. В течение всего полета мы беспрерывно наблюдали за землей, причем даже с высоты 19 тыс. метров простым глазом можно было различить реки, озера, деревни, леса.

Академия наук дала мне одно поручение. Некоторые ученые предполагают, что на большой высоте небо имеет совершенно иную окраску. Мне дали с собой шкалу разных цветов материи. По этой шкале я должен был следить во время полета за цветом небесного свода. Предположение ученых оправдалось. Мною установлено и зафиксировано на шкале, что небо с высоты 19 километров выглядит фиолетовым.

Стратостат «СССР» побил рекорд Пикара в 16.500 м. и поднялся на такую высоту, которую до сих пор не удавалось взять никому в мире.

Большевики завоевывают землю, большевики завоевали и небо.

Земля и небо разговаривают по радио

С вечера стартовая команда прибыла к аэродрому им. Фрунзе. Задолго до рассвета началось наполнение оболочки газом.

С первыми лучами солнца закончилось прикрепление гондолы к оболочке.

В кабине шла последняя проверка исследовательских приборов. В 8 час. 30 мин. в кабину последним поднялся по веревочной лестнице командир стратостата т. Прокофьев.

— В полет!—раздалась команда.

— Есть в полете! — бодро ответил высунувшийся из кабины т. Прокофьев.

Старт дан. Под крики «ура» и аплодисменты присутствующих стратостат «СССР», не вращаясь, быстро поднялся вертикально вверх Уже через пятнадцать минут он очутился на такой высоте, что гондола исчезла из поля зрения.

Как только стратостат «СССР» отделился от земли, с ним была установлена постоянная радиосвязь.

Через пять минут после старта т. Бирнбаум передал:

— 8 час. 45 мин. Говорит «Марс». Высота — 3 километра...

— 9 час. 05 мин. Говорит «Марс». Высота—10 километров. Наружная температура — минус 55 градусов Цельсия.

— 9 час. 08 мин. Говорит «Марс». Высота—12 километров. Наружная температура — минус 60 градусов.

— 9 час. 25 мин. Алло! Говорит «Марс». Высота — 17.200 метров. Наружная температура — минус 54 градуса внутри кабины температура нормальная, не чувствуем ни холода, ни жары.

— У аппарата Алкнис. Принял вас хорошо. Слышимость прекрасная. Желаю успеха.

— 9 час. 58 мин. Говорит «Марс». Давление — 60 миллиметров. По альтиметру высота — 17.900 метров.

Сейчас передаю ответ на ваш запрос.

«Кислород работает пока хорошо. Кислорода достаточно. Температура внутри гондолы — плюс 14 градусов. Сторона кабины, обращенная к солнцу, горячая, противоположная — холодная, но не особенно сильно. Сейчас гондола поворачивается, разогрев будет со всех сторон равномерный».

— 12 час. 50 мин. Алло! Говорит «Марс». Высота та же — 19 километров. Система стратостата уравновешена. Достигли потолка. Иду на посадку. Передайте наш рапорт.

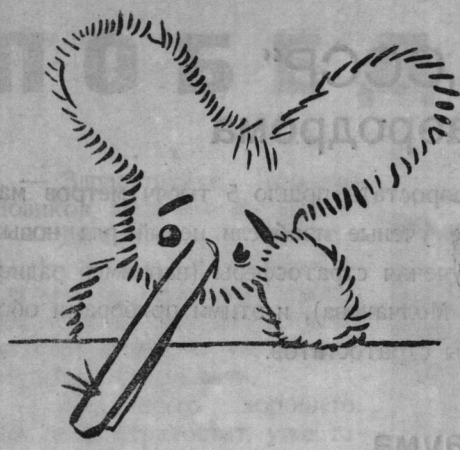
ЦК ВКП(б) — т. СТАЛИНУ.
Реввоенсовет—т. ВОРОШИЛОВУ.
Совнарком СССР — т. МОЛОТОВУ.

Экипаж первого советского стратостата успешно выполнил поставленную перед ним задачу и сообщает о благополучном завершении под'ема стратостата «СССР» на высоту 19 тыс. метров (по приборам). Экипаж готов к дальнейшей общей работе по овладению стратосферой.

Командир стратостата «СССР»

Прокофьев
Пилот — **Бирнбаум**
Инженер—**Годунов**

КОЛОМНА, 18 час. В 17 час. стратостат „СССР“ спустился у Коломны в одной четверти километра от Коломенского завода. Спуск произошел благополучно. Команда стратостата здорова и бодра.



ТУТ-ИТАМ ТУТИТАМСТВУЕТ

Всю ночь звонил телефон. Но все спали, и никто не подошел узнать, в чем дело. Утром я услышала в трубке взволнованный и сердитый голос Кассиля.

— Чорт знает что! Дрыхнут до сих пор. Опять никто не подходит!

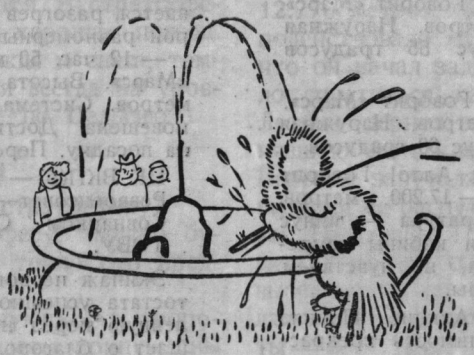
— Успокойся, я у телефона. Что случилось?

— Тут-Итам пропал. Вот что случилось. А ты дрыхнешь!

Я очень испугалась. Опять сбежал этот неугомонный зверь, опять он натворит каких-нибудь бед, а потом иди—расхлебывай. Кассиль рассказал, что последние дни Тут-Итам ходил скучный, грыз ногти на передних и задних ногах и не ел даже своих любимых арбузных семечек.

— Я его начал воспитывать, научил его умываться, каждый день чистить зубы, а теперь он сбежал,—плакался Кассиль.

— Знаешь что, Кассиль, сейчас я приеду к тебе, и мы вместе обсудим, что нам делать,—решила я.



Собралась и поехала. Еду по городу, вдруг смотрю, — на Кудринской площади толпа. Сердце у меня екнуло: не Тут-Итам ли? Прорвалась я сквозь толпу, вижу в большом фонтане сидит наш Тут-Итамка и преспокойно умывается. Вымыл шею, трет за ушами, фыркает, рот полощет. Кругом стоят люди, смеются, а он знай себе умывается.

«Ну,— думаю,— научил его Кассиль на нашу голову».

Подобралась к самому фонтану и хвать Тут-Итама за шиворот.

— Вот ты где, голубчик!

Хитрый Тут-Итамка! Когда я его схватила, он вдруг скорчил самую жалкую рожу, задрожал мелкой дрожью и стал тереть себе лапой живот и спину.

— Что? У тебя что-нибудь болит? Ты простудился?

Я пощупала ему нос. Действительно, нос сухой и горячий.

— Придется вести тебя в лечебницу.

В приемной ветеринарной лечебницы сидело множество животных. Были тут и собаки, и кошки, и козы, пришла даже большая рыжая корова. Когда вошли мы с Тут-Итамом, поднялся страшный гвалт.

А тут еще пришла регистраторша.

— Тут-Итамов не принимаем,—сказала она,—у нас только простые домашние животные. А таких у нас не полагается.

Что делать? Вышли мы с Тут-Итамом из лечебницы. Рядом на двери дощечка:

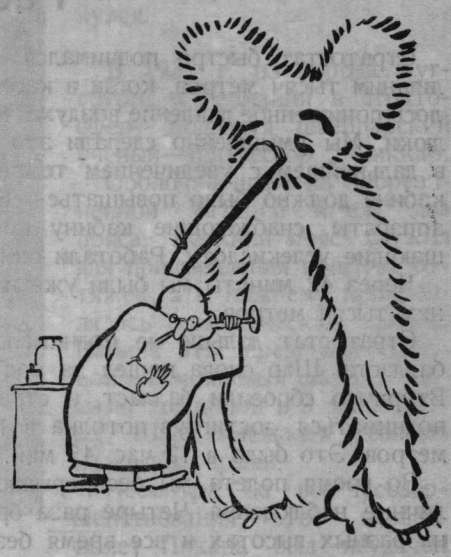
Детский доктор Кизельбурун.

Прием по нечетным и четным.

— Знаешь что,—сказала я Тут-Итаму,—из вашей звериной лечебницы нас прогнали, пойдем к детскому доктору. Может он нас примет.

Доктор Кизельбурун был маленький и толстый. Он сразу круто взялся за Тут-Итама. Помял желудок, потом полез ложкой в рот.

— Скажите «а»,—сказал он по привычке.



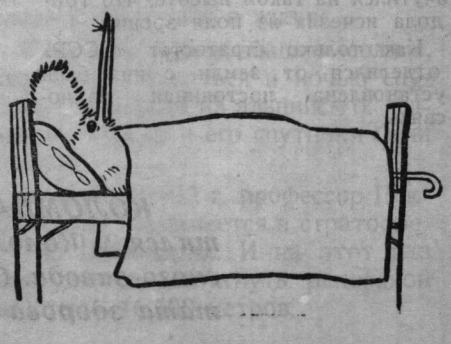
— Р-р-р-р,—зарычал Тут-Итам.

— Я прошу сказать «а», а вы говорите «р-р»,—рассердился доктор.

— Ваш больной совершенно здоров,—обратился он ко мне,—просто он заскучал. Пора отдать его в школу. От безделья у него развиваются дурные привычки. Вон он ногти грызет. Обязательно намажьте ему на ночь лапы касторкой, чтоб он отучился.

Перед сном я смазала Тут-Итаму касторкой все четыре лапы. Он ласково урчал и улыбался. Урчал он всю ночь. Утром, когда я подошла к его кровати, Тут-Итам лежал, задрав лапы кверху, и попрежнему сосал то передние, то задние. Я ахнула. Касторка так понравилась Тут-Итаму, что он начисто ее слизал. На столе оставался пузырек с остатком касторки. Теперь он был пуст. Тут-Итам все выпил.

— Он меня в гроб вгонит! Нет, пора, пора отдать его в школу!



РОЮТ СВОДЧАТЫЙ ТУННЕЛЬ

Очерк И. Рахтанова

Зарисовки Машковой

Бока трутся о стены. Здесь может пройти только один человек.

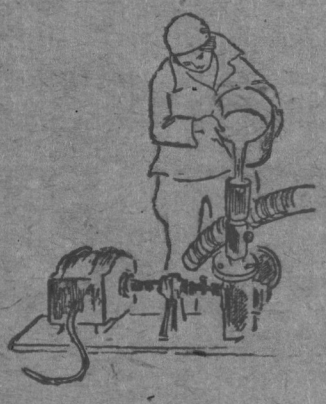
Лестница ведет меня вниз.

Через год этой узкой лестницы, которая 5 сентября 1933 г. привела меня в шахту метро № 10, не будет вовсе. Пассажир спустится в охотнорядский вестибюль по каменным широким ступеням. Он не будет тороплив, этот москвич 1934 г. За него под землей будет спешить метро. Он сядет в длинный, новый, блестящий вагон. Сядет, а не станет, как стоял в трамвае. А сейчас глубоко под улицами, под трамвайными линиями, под домами 30 тыс. перемазанных в глине людей ведут борьбу с грунтом.

Трудна эта борьба. У грунта скверный характер. Он сопротивляется. Он оползает, осыпается, обваливается. Но против грунта много боевых средств в техническом арсенале людей метро: тут и отбойные молотки, и обыкновенные лопаты, и кайлы.

Наконец деревянная лестница кончается. Она выводит меня в туннель-трубу.

Горит электричество. В туннеле светло. В туннеле чистый воздух. И воздуху так много, что можно курить, как на улице. Вообще туннель и есть улица, только без дождя и с одинаковой температурой круглый год. В туннеле приятный климат и пока нет шума. Туннель высок. Высота его равна росту трех человек, если одного поставить на голову другому.



Лампочки уходят вдаль. Я иду по линии ламп. Резиновые сапоги хлюпают в вязком грунте. По рельсам бегут вагонетки, они наполнены желтой глиной, черной юрой, оранжевым песком, желтым известняком. Это все грунт. Вагонетки подталкивают люди в синих брезентовых бушлатах. Людей называют откатчиками. Они откатывают грунт от места добычи до лебедок, посредством которых грунт выносится на поверхность.

Паня Сафоничева, мотористка шахты № 29

Я ищу сменного инженера Индлина. Я подхожу к вагонетке и спрашиваю:

— Где тут сменный?

Длинный парень в юнгштурмовской фуражке смотрит на меня. У него наметанный глаз. По неловким моим движениям, по какой-то робости в глазах он узнает новичка.

— Вы новотысячник? — спрашивает он.

Трудно строить метрополитен. Плохой грунт. Большое движение, кривые улицы. Главные враги — канализация, телефонные кабели, электрические провода, все девятнадцать подземных сооружений Московского отдела коммунального хозяйства. Для работы в этих условиях нужны стойкие и крепкие люди. Центральный комитет комсомола посылает под землю лучших своих производственников. Их будет десять тысяч. Не сегодня-завтра они спустятся по узким деревянным лестницам в забои, штреки и штольни. Метрополитен уже ждет их.

Парень показал мне, как пройти на третий участок к Индлину, и я пошел по туннелю.

Изрезанный путями бетонированный туннель начал сужаться, и вот я уже пришел к концу, т. е. к тому месту, откуда начинаются шахты, откуда приходится итти, нагнув голову к земле. С деревянного потолка капает вода, мокра московская почва. Когда строили метрополитен в Лондоне, шли по гранитам, в Париже — по сухим пескам; из всех земель московская — самая неблагоприятная. Вот отчего иностранная консультация не смогла помочь. Она и сама плохо знала, как проложить гигантские бетонные трубы в мягкой, как подушка, земле.

Эта самая мягкость заставляет работников метро напрягать все силы и работать четко, аккуратно, стараясь не упустить ни одного сантиметра земли, заставляет, по выражению одного из руководителей, причесывать землю под гребенку.

И еще вода.

Была в старой Москве речка такая, Неглинка. Потом ее загнали в трубу, и речка перестала существовать.

Перестала? Как бы не так. Существует она, подлая, до сих пор. Существует и мешает строителям. У нее, так же как у грунта, скверный характер. Она сопротивляется. Она посылает в подарок строителям пески, водоносные пески, плавуны.

Мы идем с инженером Индлиным по путям, то сгибаясь, то разгибаясь, в зависимости от высоты потолка коридоров. Вот в этом месте 25 сентября произойдет встреча с шахтерами участка «площадь Свердлова». Здесь пожмут друг другу руки люди, начавшие с разных концов одно дело.

А здесь такая встреча уже была 10 июля. Сбились две шахты: 10-я и 11-я. Тогда по деревянной лестнице в шахту спустился секретарь ЦК и МК партии т. Каганович, вдохновитель метростроя. Он пришел лично проверить, как под землей бьются за выполнение задания партии.

Тридцать тысяч метростроевцев работают хорошо. Работа идет и днем и ночью. И права детская писательница Ел. Тараховская, которая пишет:

Мы не видим, как под нами,
Под садами, под домами,
Под аллеями бульваров,
Под асфальтом тротуаров
Роют сводчатый туннель.

Цена 25 коп.

363732

Я попрощался с инженером Индиным и вышел из шахты.

Снова была узкая лестница, но

теперь впереди меня ожидали знакомое небо и знакомая улица.

Шел дождь. Трамвай был переполнен. Я повис на подножке и совсем уже не был похож на москвича 1934 г., который спокойно сядет в вагон метро.

Назавтра я поехал в Сокольники.

Здесь родина московского метрополитена.

Он родился в доме № 1 по Русаковской улице. Дома этого теперь нет. Родившись, метро прежде всего сломал дом, в котором он родился. Потом на месте дома он поставил бремсберг и начал зарываться, начал уходить под землю.

Так образовалась опытная шахта или, как сейчас она называется, шахта № 29. Славная это шахта! Трудная ей досталась доля. Ведь она первая, и у нее были задача — подготовить для метростроя кадры новых инженеров, новых десятников, новых рабочих. Новых потому, что московский метрополитен — первый в Союзе.

Родился метрополитен зимою. 22 декабря 1931 г. была заложена первая шахта.

Опять узкая лестница привела меня под землю. Вот уже пройдены последние ступеньки, и я не знаю, куда попал: огромный, высокий, широкий, длинный шел туннель, не труба, а просто туннель.

Ведь на этой подземной площади будут встречаться поезда метро. Один выйдет к площади Свердлова, другой навстречу ему. Они пойдут, отделенные друг от друга бетонными стенами, каждый в своей трубе и вдруг — раз! — в'едут в этот широкий просторный, поющий и звенящий туннель.

Это будет скоро, через год, а пока...

Я иду по рельсам с начальником шахты.

— Мы были первыми, — говорит он, — у нас опытный участок, нам нужно было приготовить для всех шахт Метростроя специалистов. Трудно это было. Мы методы вырабатывали. Изобретали... Подводка стен колодцами — наше изобретение...

[illegible] делается так. Вырыт [illegible] ий колодец, потом стены к[illegible] ладут, бетонируют, потом делают свод, потом рядом с колодцем появляется другой такой же колодец, и так дальше.

Способ изоляции битумными составами — тоже изобретение 29-й шахты.

Сыро под землей. Для того, чтобы предохранить пассажиров от ревматизма, а бетонные трубы от скорого разрушения, их надо изолировать от земли, проложить между землею и бетоном непромокаемые, водонепроницаемые вещества — мастику или битум.

В Нью-Йорке это сделано не было. От этого климат тамошней подземки влажный. От этого часто болеют нью-йоркцы гриппом, насморком и ревматизмом.

В Москве этого не будет.

Наш метрополитен будет самым лучшим, самым совершенным в мире.

Комсомольцы проверяют всходы озимых

Отв. редактор Б. ИВАНТЕР Худ. редактор М. АСКИНАЗИ Издатель: Издательство ЦК ВКП(б) „Правда“

Сдан в набор 1/X—33 г., подписан к печати 15 X—33 г. Изд. № 942 Формат 1/8 62×94 см. 1 1/2 б. л. 135000 п. зн. в бум. л.

Уполномоченный Главлита № В—62863 Типография газеты „Правда“, Москва, ул. им. Горького, 48. Заказ № 2458. Тираж 35.500 экз.